

Юлия Шаманская

Простые девичьи тайны

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
Ш19

Шаманская Ю. В.

Простые девичьи тайны / Ю. В. Шаманская —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 167 с.

ISBN 978-5-532-04823-2

Свобода не есть беззаконие. Свобода означает жизнь по своим законам. Молодая девушка мечтает об идеальной семье. Жизнь не раз предлагает ей компромиссы, но она упрямо не желает держать синицу в руке. Для этого требуется немалое мужество. Кто победит - хрупкая девушка с большой мечтой или новые реалии современного общества?

ISBN 978-5-532-04823-2

© Шаманская Ю. В., текст, 2015
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Глава 1

Мать писала, что от прежде цветущего села Васюкино, не осталось буквально ни кола не двора. Они с отцом жили на государственную пенсию, доживали. Молодежь вся состояла из одной верующей многодетной семьи, вернее двух, если считать семью местного попа. Но ни те не другие, по мнению мамы не могли составить дочке кампанию. «Родители не в себе, а дети малолетние. Да и те вырастут- вылетят из гнезда в города», – писала мама в письме. Меня сильно впечатляли эти письма. Когда комендантша, приносила в комнату мятые конвертики, ожидая за срочность копеечку, сердце в груди вспархивало. Настоящие письма! Девочки из общежития нашего Политехнического университета, приходили смотреть на диво, крутили в руках, фотографировали на телефоны, а подружка моя, Леночка, просила отклеить для нее марочку. Такие теплые были эти письма! Внутри листик из школьной тетрадки в клеточку, весь исписанный мелким неровным маминым почерком. Такие письма я получала все пять лет своей учебы в городе. Я любила их трогать, гладить, плакать над ними, любила их как свою мать. Даже больше, чем мать, оставленную в деревне казалось давным-давно. В письмах она была разумна и осторожна в словах, заботлива и вежлива. В письмах она говорила на разные темы, которые не касаются моих несовершенств. Издали мама любила меня больше, потому что писала письма не мне, а той дочери, которую бы хотела видеть и какую себе представляла в мечтах. Отец никогда не писал. Лишь каждый раз передавал через маму приветы. И на каждой новогодней открытке и цветной телеграмме «С днем рожденья!» в конце витиеватого маминого поздравления, стояла неизменная подпись: «Целуем, мама и папа». На пятом курсе, мама писала, что скучает, но домой не ждет. «Оставайся, дочка, после учебы в городе! Не хочу, чтобы ты влачила такое же скучное существование, как твой брат! Ты умница, сделаешь карьеру, замуж выйдешь! А у нас тут нет достойной пары для такой красавицы».

Канули в лету институтские распределения. Отучилась – и свободна, как птица. Вот Бог, а вот порог! Ищи работу, где знаешь, как умеешь.

Отгуляв выпускной, я лицом к лицу столкнулась с проблемой жилья. Работы в городе много, хоть и не по специальности пока отыскать не удалось. Жилья тоже много сдается. Только ни как-то не сходятся эти две вещи: средняя зарплата и плата за аренду.

Ну, молодые всегда выход найдут, и я нашла!

Город открыл свои объятия сельской девушке. Устроилась я в копировальный центр, оператором. Мой диплом химика сочли подходящим. Квартиру сняли на двоих с Ленкой. Вместе жили в общежитии, теперь и в ветхой Хрущевке, однушке. Тоже не тесно показалось.

Ничего, что остатка зарплаты едва хватало на хлеб и картошку. Молодость рождает мечты. А мечты часто греют лучше шубы, и питают слаще меда.

Передо мной будто открылся весь мир. В нем была, прежде всего, любовь! Потом семья, а потом... путешествия в Европу, Индию, Китай, Японию и жаркие острова. Дальше девичьи мечты не заходили – фантазии не хватало.

Глава 2

В восемь утра уходил Толик. Я уже привыкла к виду чужого мужчины в трусах. Уже не вздрагивала, не краснела. Но все еще отводила взгляд, рассматривая его, поросшие кустистой шерстью пальцы в резиновых тапках.

Толик приходил к Лене, моей соседке. Спали мы все вдвоем в одной комнате. «Влюбленные» вбили в стенку пару гвоздей, протянули леску и отгородили Ленкину кровать тонкой оранжевой шторой, снятой с окна.

Полупрозрачная ткань мало чего скрывала, но я была благодарна им и за это. Ограничив так свою свободу, молодые решили, что сделали все как надо, и перестали обращать на меня внимание. Но я, все равно, спала в спортивном костюме, и старалась передвигаться, как мышь, пробираясь в ванную.

С появлением Толика стало легче с продуктами. Вскоре, Ленка освободила меня от доли «на еду», я оплачивала только свою часть аренды.

Потихоньку стала откладывать деньги, мечтая съездить отдохнуть на курорт.

Отправив Толика на службу, мы с Леной пили чай с печеньем и собирались на работу. Ленка в универмаг, где устроилась продавцом-консультантом, я – к своему ксероксу, в унылый «офис».

Офис представлял собой большую комнату, разделенную на приемную и рабочую часть. Отделяла части стойка – мое рабочее место! За стойкой располагался ксерокс-принтер. А дальше шли ряды столов, с девочками и мальчиками, записанными в трудовую книжку, как дизайнеры-оформители.

Моя работа оказалась не сложной, но самой ответственной. Только я работала с клиентами – всегда на виду! Я принимала заказы на полиграфические услуги, и я же «ксерила», «сканировала» и «распечатывала» документы. Работая там, всегда удивлялась, почему я за стойкой одна, а зади слоняются без дела столько оформителей.

Рядом с офисом высилось здание университета. Поэтому копировальные услуги, пользовались спросом не меньше горячих пирожков. Я все «ксерила» и сканировала с утра до трех часов, пока в глазах двоиться не начинало. После обеда поток студентов внезапно иссякал, как будто перекрывали кран. И я могла выпить чаю, вздохнуть и оглядеться по сторонам. Однако чем дольше работала, тем больше мне нравились утренние часы, время очередей и «запарки».

Девочки и мальчик, составляющие коллектив дизайнеров, считали мою работу неквалифицированной, а потому никчемной. В клуб художников, творческих личностей, к которым они причисляли себя, вход химику-неудачнику был заказан. Коллектив скромного копировального центра, состоявшего из четырех дизайнеров, меня и заведующей, составлял в то время некий микрокосм, в котором проходила моя маленькая жизнь. Не удивительно, что каждое колкое слово, косой взгляд попадали в самое сердце и больно ранили.

Баталии в коллективе развивались с самого утра. Пока я была занята, три девицы, за моей спиной, буквально вырывали друг другу волосы. Но все это происходило, на уровне колких замечаний и скрытых подножек. Единственный парень держался в стороне. А заведующая, Ольга Ивановна, царствовала в лучших традициях барыни при крепостных.

Как только рассасывались очереди к стойке, взгляды и помыслы всей этой братии, сосредотачивались на мне, наивной и беззлобной чужачке, не имеющей художественного образования и каких либо талантов. Стоило пристроиться в уголок на стуле, чтобы съесть свой бутерброд, как в мой адрес лились остроуты, такие забавные, что даже парень подхихикивал из-за своего компьютера.

Ольга Ивановна, вынужденная всю первую половину дня самостоятельно готовить себе кофе и чай, только и ждала, когда я освобжусь. Чай ей требовался каждые пятнадцать минут. Причем, саму процедуру она старалась обставить так, что бы процесс подачи напитка для меня прошел как можно унизительнее.

—Дарья, хватит там попу греть,— кричала она своим фирменным недовольно-визгливым тоном,— если бездельничаешь, приготовь своей начальнице чай, хоть так польза от тебя будет!

И я шла, боясь пролить чай на блюдце, мимо столов с надменными коллегами, очень занятыми важными полиграфическими делами.

По дороге нужно было глядеть в оба, так как сотрудники частенько, ради смеха, пытались подсунуть сумку мне под ноги, чтобы споткнулась. Также модно было, в то время как я шла с чашкой к начальнице, уронить что-то мне под ноги со стола, и потребовать поднять. Мол, тебе не трудно, а я занята. Естественно, поднимая упавший ластик, я обнаруживала на мониторе занятой коллеги, разложенный пасьянс.

В семь часов пополудни, я вырывалась из клетки офиса на улицы города, уже ставшего мне родным.

Это был большой, густонаселенный, но тесный и унылый город. Построенный когда-то на левом берегу красавца Днепра, но задущенный индустриализацией, он превратился в место, лишенное всякой романтики, и едва пригодное для жизни.

Я знала, что экологи давно признали воздух в городе ядовитым, а экологическое положение катастрофическим.

Все знали, но не придавали этому значения, надеясь, на авось, и на то, что заводы в черте города постепенно закрываются. Но это были тщетные надежды, так как росло количество машин и выхлопные газы, становились главной угрозой. «В таких условиях живет более семисот тысяч человек, проживет и Даша», – размышляла я, кашляя от ядовитого смога. Но где-то глубоко в памяти сохранилось нечто лучшее. Родное село! Чистые луга, лазурь неба, яркость солнца и неземной восторг купания в теплых солоноватых водах лимана.

Вспоминалась наша корова Мурка, которую я отводила перед школой к пастуху. Мурка давала вкусное молоко. Мама делала из него творог, который называла «сыр». Мы с мамой покупали на рынке мешок муки, добавляли в нее родниковую воду и закваску. Пекли хлеб в печи раз в неделю. Хлеб расчудесный, сытный. А в городе, что за продукты? Как не умащай хлеб соусами – все равно не вкусный, а молоко, – не молоко вовсе, а белая водица. Разве сравнишь с Муркиным молоком? Как давно я была дома! Лет семь про-

шло. За семь лет многое в городе изменилось. Прогресс на месте не стоит. А вот в деревне, наверняка все по-старому!

Но я не могла все бросить и уехать домой. А как же мечты? Прекрасный человек, который станет моим мужем и много путешествий! Наверняка я ностальгирую по деревне только потому, что кроме нее и этого города ничего не видела.

Это ничего, что прекрасный муж никак не появляется на горизонте. Он обязательно появится. Но не сейчас, не осенью! Разве может случиться чудо среди серости и луж? Разве может оно найти меня, когда я бреду мимо старых облезлых стен, увязая в грязи? Бреду с измученным лицом, уклоняюсь от картофельных очистков и яичной кожуры, которую какой-то шутник норовит скинуть мне на голову? Пока я пробираюсь к парадной двери дома, где снимаю квартиру?

Глава 3

Дома ждал сюрприз.

Ленка с порога стянула с меня грязные ботинки, мокрую куртку, и принялась причесывать.

— У нас гость! — шептала она, — давай же, улыбайся! Где огонек в глазах?

Огонек в глазах не возник даже, когда я обнаружила у нас в кухне симпатичного блондина в сером свитере. Глаза блондина по-хозяйски ощупали мое лицо и фигуру. Его зубы блеснули в ответ на мою жалкую улыбку, а глаза так и остались холодными.

Толик радостно встретил меня, как дорогого гостя и усадил напротив блондина.

— Это наша Даша! — представил он меня незнакомцу.

Почему-то покорило, что меня представляют первой. Хотелось язвительно спросить: «А это что за принц заморский?». И вообще, вся ситуация выбила из колеи. Так хотелось отдохнуть после работы, а тут гости!

— Я Роман! — наконец выдал незнакомец и провел рукой по блестящим волосам.

— Очень приятно, — промямлила я и попыталась спастись бегством, — ну вы отдыхайте, а я...

— Куда? — возмущенно вскрикнул Толик, положив тяжелую руку на мое плечо, — человек к тебе пришел!

Лучезарная улыбка Романа несколько поблекла. Можно сказать скисла. Видимо, не ожидал гость такой встречи.

— Ко мне? — удивленно переспросила я.

— Это наш друг, — вмешалась Лена, — мы-то его знаем. Хотели с тобой познакомиться.

— Очень приятно! — вяло повторила я, и стала рассматривать бананы на кухонной клеенке.

Толик налил нам с Леной вина, а себе с другом водки. Я послушно сербала из стакана, мечтая о чае.

Не так уж я была наивна, чтоб не понимать, Роман был приведен с целью «познакомить с одинокой подругой». И обижаться не стоило. Может, я и помеха друзьям, но они добра желают. Парень симпатичный, чего ж еще желать? Но не лежит у меня сердце. И, скорее всего, я ему не особо понравилась. Так что обойдется дело всего одним испорченным вечером.

К часам десяти, когда на улице поднялся ветер и на окне стали появляться мелкие капли дождя, меня ждал еще один неприятный сюрприз. Лена с Толиком ушли в магазин, оставив гостя на мое попечение.

Как только дверь за ними закрылась, Роман пересел поближе и вылил остатки вина в мой стакан!

—Ну что, за встречу?

Он склонился ниже, почти касаясь подбородком моей макушки. Я отпрянула. И постаралась незаметно отодвинуть свой стул подальше. Роман, не чокаясь, опрокинул рюмку водки. Затем облокотился локтем о стол, уместил подбородок в своей ладони, и уставился мне прямо в глаза.

—Ты работаешь на ксероксе?— спросил он.

—Да, в копи-центре, — ответила я, радуясь, что разговор принял нейтральное направление.

—А я механиком на СТО — гордо объявил Роман, — чиню машины. Механики хорошо зарабатывают, не то, что какие-то офисные крысы!

Я молчала, размышляя, обижаться или нет. Офисной крысой назвал он меня или мужчин, работающих в офисах? Роман удивил проницательностью, пояснив:

—Для женщины твоя работа хороша, но женщине нужен мужчина, тогда она с голоду на своей зарплате не помрет.

Видимо, гостю понравилась собственная шутка. Он широко улыбнулся, и я заметила, как блеснул золотой зуб.

—И так, вроде, не помираю,— обижено возразила я.

—Ага! Толик вас с Ленкой двоих кормит, конечно, не помираешь!

Мне стало неприятно. Вот оно что! Толику надоело кормить меня?